

Номер, который вы сейчас читаете, лучше всего листать под шелест позолоченных листьев, которые кружатся над чернеющими в предчувствии скорого снега осенними тропинками. И события, герои, ситуации, населяющие и составляющие этот номер «Воспитания в школе», тоже по большей части родом из осени. Сейчас в школе идут уроки, но только неискушённое око дилетанта не разглядит тут воспитательных сюжетов: в том, как дитя стоит у доски, как класс замирает, предчувствуя встречу с новым и необычным. В том, как мы, обращаясь к ребятам со словами, внешне далёкими от какого-либо воспитательного действия, мотивируем школьников на то, чтобы становиться свободнее, рассудительнее, увереннее, — или просто говорим о чём-то и думаем, что сказались, а не как воспринялось... Вторая модель — проигрышная.

Начиная очередной урок, мы не думаем обычно, что это воспитательное дело. Есть тема урока, его цель, есть список необходимого оборудования; иногда ещё и девиз занятия, его главный слоган. Мы в деталях определили сюжет урока, его технологическую канву, всё ещё не задумываясь, что предстоит большое и очевидное воспитательное событие.

...Десятиклассники постоянно испытывали молодую учительницу, только пришедшую из института и старательно приглаживающую волосы на всех переменах. Вот и теперь, цитируя Островского о «людях-птицах», она услышала с последней парты, от Серёги, скучавшего, если рядом нет штурвала комбайна:

— А какие птицы?

Колонка РЕДАКТОРА

— В вашем случае — птеродактили, — уверенно сообщила она.

— А в вашем — синичка на ветке, — меланхолично изрёк Серёга.

— Те салом питаются, а на меня разве похоже? — серьёзно возразила юная наставница, оглядывая себя не без гордости за свои 50 килограммов. — Неужели похоже? — она глянула в упор на Серёгу, который покраснел:

— Нет, не похоже. Разве воробушек...

— И снова — мимо. Воробушки серые, а я серость не люблю. (Она вновь себя с гордостью оглядела и словно случайно ткнула пальцем в сторону Серёги: он как раз был в сером свитере!)

Через годы Серёга, уже профессор, литературовед, признавался, глядя на всё ещё молодую наставницу:

— А здорово вы меня тогда приложили! Я тот свитер больше не надевал...

В том он был свитере или в другом, — не суть. Как и то, что литературу он изучал не столько на уроках, сколько в институте, — сначала студентом, затем — доцентом. Но тогда, на том уроке, он принял решение: нигде, никогда и ни в чём не быть серостью. Чересчур новые слова молоденькой учительницы запоминал и записывал, стал много читать. И, хоть до медали не дотянул, — сильнейший импульс (нет, не учебный: именно воспитательный!), полученный на том уроке, привёл его и в институт, и в аспирантуру. А когда в армии получил сержантские лычки, — первым делом сообщил учительнице: «Не стал я воробушком! Стал сержантом!». Тогда ещё наивно думая, что одно напрочь исключает другое...

Итак, можно сколько угодно твердить о вещах важных, нужных и интересных,

Колонка РЕДАКТОРА

но они останутся «учебной информацией». А можно одной-двумя репликами изменить человеку жизнь. Это и называется быть воспитателем.

Ребёнок становится взрослым, когда осознаёт, что имеет привилегию не только быть правым, но и право на совершение ошибки.

Т. Зас

О таких людях, их обретениях и открытиях, — наш осенний номер. Но посвящаем мы его ещё и тому ноу-хау, о котором традиционно задумываются осенью. Речь идёт о школьном музее.

Один из авторов этого номера, некогда будучи 13-летним хулиганом и «пофигистом», побывав в музее им. А.С. Пушкина в Москве, неожиданно для себя самого записал в тетради по физике:

По залам музея, роскошным, блестящим,
Я шёл, подавив мимолётный испуг.

И прошлого тесный союз с настоящим

В своём оживленье представился вдруг...

Корявые строки, написанные, правда, безупречным амфибрахием. Подумав немного, там же вписал:

Апрель за окошком журчал,

А я сквозь эпохи шагал.

И как-то неожиданно увидел, что девочка за третьей партой у окна, которую не замечал до сих пор, — настоящая красавица. Так вошёл в его жизнь музей. Вошли первые стихи. И первая любовь. И помчался наш семиклассник на пе-

ремene не к приятелям, ждавшим его в спортзале, а в киоск за розой, которую тогда же и вручил будущей матери своих детей.

Скажете, частный случай?

Восьмиклассник выругался, припечатав сверстника: «Ну прямо ветеран какой-то!». В чём дело? Оказалось, у них было подряд три экскурсии по школьному музею. На одной — полчаса разглядывали патронную гильзу, а учительница-экскурсовод «травила» про ветеранов. На второй им показывали «фронтовые записи ветеранов». И, наконец, на третьей, где ни слова не прозвучало о самом музее, в котором патефоны расположились вперемежку с погонами, пистолетом, медалями и фотографиями, они целый урок слушали «воспоминания ветеранов», а их, «короче, ну, надо уважать и всё такое». Так родилось словечко, значившее для ребят что-то вроде злой кликухи, — «ветеран». И долго держалось именно в этом значении, чему способствовало бездумное обращение к школьному музею, в котором увидели некое продолжение воспитательной риторики.

Воспитатель! В наших руках и в наших мозгах — то, что способно и привлекать, и отторгать, представляя вещи в искажённом виде. Это — слово. О нём разговор впереди, но пути нащупываем уже сегодня...